

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Лангаккер Р. У.
КОГНИТИВНАЯ
ГРАММАТИКА

Москва • 1992

Серия: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИКЛАДНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Редакционная коллегия:
ВОРОНИНА С.Б., ГЕРАСИМОВ В.И.,
ПЕТРОВ В.В. (ответственный редактор)

Перевод: кандидат филологических наук
С.Н.ПЕТРОВА

Редколлегия выражает признательность Рональду
У.Лангаккеру за предоставленное право опубликования
данной работы в переводе на русский язык. Перевод выпол-
нен с некоторыми сокращениями.

Ronald W.Langacker

Перевод на русский язык – ИНИОН АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Общее направление исследования	5
Значение и семантическая структура	9
Природа грамматики	13
Грамматика как символическое явление	23
Дистрибуция и предсказуемость	36
Произвольные грамматические маркеры	39
Суждения о грамматичности	46
Заключение	52
Список литературы	54

ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Когнитивная грамматика – это теория лингвистической структуры, которую я развиваю и описываю, начиная с 1976 года. Не будучи законченной и формализованной, она все же обладает в значительной степени внутренней логикой и применяется ко все большему числу языков и грамматических явлений (см. Langacker 1981, 1982, 1984, 1985, Casad 1982, Casad, Langacker 1985, Hawkins 1984, Lindner 1981, 1982, Smith 1985, Tuggy 1981, Vandeloise 1984, 1985). Стимулом для этих разработок послужило то, что существующие теории не могут дать разумного объяснения проблемам языковой структуры, поскольку в их основу положены взаимозависимые ряды понятий, установок и допущений, которые искаженно отображают природу лингвистических явлений и потому, по сути, препятствуют их пониманию. Поэтому необходимо начать все сначала и построить теорию на совершенно иной концептуальной базе.

Когнитивная теория, таким образом, существенно отличается от основного направления современной лингвистической теории, особенно той, которую разрабатывают генеративисты. Эти отличия не ограничиваются частностями, они прослеживаются на уровне философии и организующих принципов. Я кратко обрисую эти различия, поскольку они касаются как характера лингвистического исследования и лингвистической системы, так и природы грамматической структуры и значения. Мое описание "ортодоксального" подхода, конечно, утрировано; для краткости, я описываю

его без необходимых характеристик, а также для того, чтобы подчеркнуть принципиально различный характер этих двух подходов.

Что касается природы лингвистического исследования, то, согласно ортодоксальной теории, язык (или, по крайней мере, грамматика) может быть описан как алгоритмизированная система. Лингвистика, таким образом, представляет собой формальную науку сродни логике и определенным разделам математики (например, теории автоматов). Построение всеохватывающей лингвистической теории, включающей объяснительные принципы, придает колоссальное значение; текущее описание считается наиболее ценным в том случае, если оно формализовано на базе современной теории и направлено на проверку и уточнение ее прогнозов. Ведется поиск дискретных категорий и абсолютных принципов на том основании, что теория должна обладать максимальной ограничительной силой и быть способной к выдвижению сильных утверждений. Более того, основной принцип при формировании грамматики языка – экономия: избыточность утверждения влечет за собой утрату существенных обобщений.

В когнитивной грамматике считается, что биология служит лучшей метафорой для лингвистического поиска, чем формальные науки. Хотя определенные аспекты языка могут быть дискретными и "алгебраичными", в целом, язык более точно уподобляется биологическому организму; в соответствии с этим должны быть приведены и наши ожидания относительно природы анализа, проясняющего суть явлений и конструктивного описания. Например, нереально ожидать от естественного языка абсолютной предсказуемости – многое является градуированным, значительна при этом и роль конвенций. Соображения экономии должны уступить приоритет психологической точности; избыточность в когнитивном представлении лингвистической структуры вполне вероятна, что не противоречит выявлению значимых обобщений. Далее, лингвистическая теория должна органически вырастать из надежной дескриптивной базы. Увлечение теоретическими построениями, если оно начато прежде-

временно, может иметь отрицательные последствия, поскольку это препятствует рассмотрению тех явлений, которые не вписываются в теорию и мешает их пониманию такими, какими они есть.

Согласно ортодоксальной точке зрения, грамматика языка состоит из ряда отдельных "компонентов". Грамматика считается порождающим устройством, которое дает исчерпывающий список абсолютно всех грамматических предложений и только их. Лингвистическая система самодостаточна и, следовательно, может быть описана без серьезных ссылок на более широкие когнитивные проблемы. Язык может представлять отдельный "модуль" психологической структуры.

По-иному рассматривает лингвистическую систему когнитивная грамматика, признающая, что язык предполагает наличие других когнитивных систем и должен описываться как интегральный аспект всей психологической организации. Грамматика языка не является порождающей или конструирующей, поскольку выражения языка не составляют вполне определенного, алгоритмически вычисляемого множества. Грамматика языка просто представляет всем говорящим инвентарь символических ресурсов — использование этих ресурсов для построения и оценки соответствующих выражений — это то, что выполняют говорящие (а не грамматики), благодаря своим общим способностям категоризации и решения проблем. Выделяются только семантические, фонологические и символические единицы, а разделение символических единиц на отдельные компоненты считается произвольным.

Ортодоксальная теория рассматривает грамматику (и, в особенности, синтаксис) как независимый уровень или параметр лингвистической структуры. Грамматика (или, по крайней мере, синтаксис) рассматривается отдельно как от лексики, так и от семантики, при этом признается возможность описания ее как автономной системы. Независимость грамматической структуры поддерживается утверждением, что грамматические категории базируются на формальных, а не на семантических свойствах. Говорящие могут игно-

рировать значение и выводить дискретные суждения относительно грамматической правильности выражений только на основе грамматической структуры. Когнитивная же грамматика, наоборот, утверждает, что грамматика по своей природе символична, поскольку она не имеет независимого существования отдельно от семантической и фонологической структуры. Грамматика может быть описана с помощью одних только символических единиц, при этом лексика, морфология и синтаксис образуют континуум символических структур. Основные грамматические категории (например, существительное и глагол) могут быть определены семантически и непредсказуемое членство других классов (тех, которые определены встречаемостью в конкретных морфологических или синтаксических конструкциях) само по себе не устанавливает независимости грамматической структуры. Суждения о грамматической правильности часто касаются степени этой правильности и отражают тонкую взаимосвязь семантических и контекстуальных факторов.

Наконец, общепризнанная практика состоит в том, чтобы отказаться от "концептуальной" или "идеационной" теории значения как неприемлемой для научного исследования языка. Вместо этого допускается, что значения лингвистических выражений могут быть описаны в терминах условий истинности и что естественному языку соответствует некоторый тип формальной логики. Считается, что между семантикой и прагматикой или между лингвистическими и экстралингвистическими знаниями может быть проведено принципиальное разграничение, что семантическая структура полностью композициона и что такие явления, как метафора и семантическое расширение находятся за пределами лингвистического описания.

В когнитивной грамматике значение приравнивается к концептуализации (интерпретируемой в широком плане), которая должна объясняться в терминах когнитивной обработки. Формальная логика считается неадекватной для описания семантической структуры, которая субъективна по своей природе и включает конвенциональную "образность" —

определяемую как альтернативные способы построения или ментального изображения предполагаемой ситуации. Лингвистическая семантика по праву считается энциклопедичной по своему охвату: разграничение на семантику и прагматику условно. Семантическая структура только частично композиционна, а явления типа метафоры и семантического расширения являются ключевыми для соответствующего анализа лексики и грамматики.

ЗНАЧЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Объективистская точка зрения на значение уже давно является главенствующей в семантической теории. Строгий анализ, как считается, не может основываться на чем-то столь мистическом и недоступном как "концепты" или "идеи" вместо этого значение выражения приравнивается к набору условий, при которых оно истинно. Подходящим для описания семантики естественного языка считается некоторый вид формальной логики. Не отрицая достижений объективистской программы, я считаю ее ограниченной по своей сути и в главных вопросах ошибочной: обычные возражения идеационной точке зрения являются ложными, а к формальной семантике, базирующейся на условиях истинности, можно придти только путем произвольного исключения из ее области многочисленных аспектов значения, имеющих принципиальную лингвистическую важность (см. Chafe 1970; 73-75; Langacker 1988; Hudson 1984).

Когнитивная грамматика явно приравнивает значение к "концептуализации" (или "ментальному опыту"), причем этот термин интерпретируется довольно широко. Он должен охватывать не только твердо установленные концепты, но также новые концепции и впечатления в момент их появления. Он включает не только абстрактные "интеллектуальные" концепции, но также такие явления как сенсорные, эмотивные и кинестетические ощущения. Далее, этот термин включает в себя осознание человеком физического, социального и лингвистического контекста речевых событий.

В концептуализации, по сути, нет ничего таинственного: это просто когнитивная обработка (нейробиологическая деятельность). Осуществление конкретной концептуализации или обладание определенным ментальным опытом характерно для некоторого сложного "когнитивного события" (сводящегося в конечном итоге к координированному взаимодействию нейронов). Установленный концепт является просто когнитивным шаблоном, т.е. когнитивным событием или типом события, достаточно хорошо утвердившегося, чтобы его можно было вывести как интегральное целое).

Когнитивная грамматика включает "субъективистский" взгляд на значение. Семантическое значение выражения присуще не только внутренним свойствам объекта или ситуации, которую оно описывает, но также обязательно включает и то, как мы предпочитаем думать об этом объекте или ситуации и ментально отображать их. Выражения, которые истинны при одинаковых условиях, или которые имеют одну и ту же референцию, тем не менее часто противоположны по значению благодаря тому, что они представляют альтернативные способы ментального конструирования одних и тех же объективных обстоятельств. Я утверждаю, например, что каждая пара предложений в (1) семантически контрастна и это не может не учитываться эффективным лингвистическим анализом.

- (1) (a) This is a triangle.
 Это треугольник.
 (a') This is a three-sided polygon.
 Это трехсторонний многоугольник.
 (b) The glass is half-empty.
 Стакан полупустой.
 (b') The glass is half-full.
 Стакан наполнен наполовину.
 (v) This roof slopes upward.
 Эта крыша имеет уклон вверх.
 (v') This roof slopes downward.
 Эта крыша имеет уклон вниз.
 (g) Louise resembles Rebecca.
 Луиза похожа на Ребекку.

(г') Rebecca resembles Louise.

Ребекка похожа на Луизу.

(д) I mailed a package to Bill.

Я отправил пакет Биллу.

(д') I mailed Bill a package.

Я отправил Биллу пакет.

Я использую термин "образность" для обозначения нашей способности ментального построения воображаемой ситуации альтернативными способами (следовательно этот термин не относится конкретно или исключительно к сенсорной или визуальной образности (ср. Kosslyn 1980; Block 1981)). Основное утверждение когнитивной грамматики заключается в том, что лингвистические выражения и грамматические конструкции воплощают конвенциональную образность, которая составляет важный аспект их семантического значения. Выбирая конкретное выражение или конструкцию, говорящий конструирует воображаемую ситуацию определенным способом, т.е. он выбирает один конкретный образ (из набора альтернатив) для структурирования его концептуального содержания в выразительных целях. Несмотря на объективную эквивалентность пар предложений в (1), члены каждой из них семантически различны, поскольку они накладывают противоположные образы на воображаемую ситуацию.

На этом этапе в обсуждении образности я ограничусь одним примером, а именно – семантическими противопоставлениями, разграничивающими универсальные кванторы в английском языке. Интуитивно ясно, что предложения в (2) имеют несколько различные значения, несмотря на их истинностно-функциональную эквивалентность: '

(2) (a) All cats are playful.

Все кошки игривы.

(б) Any cat is playful.

Любая кошка игрива.

(в) Every cat is playful.

Всякая кошка игрива.

(r) Each cat is playful.

Каждая кошка игрива.

Эти предложения имеют общее концептуальное содержание свойства (игривость), которое приписывается всем членам класса. Тем не менее, эти предложения используют различные образы относительно того, как "понимаются" или "ментально оцениваются" с этой целью члены класса. Я попытался показать эти противопоставления на рис. 1, где круг обозначает члена класса, квадрат представляет класс в целом, а жирные линии – сущность, с которой соотносится квантор.

All относится коллективно ко всему классу как к недифференцированной массе и приписывает свойство всем его членам. Каждый из трех других кванторов относится к одному, произвольно выбранному члену класса, но считается, что этот член выбран так, что свойство, приписанное ему, аналогичным образом приписывается и всем другим членам класса. Образ, передаваемый местоимением any, отражает случайный выбор, если мы выбираем члена класса наугад, он будет неизменно обладать данным свойством. Every и each противопоставлены all и сходны в том, что приписывают свойство всем членам класса на индивидуальной, а не на коллективной основе. Отличие между ними состоит в том, что each предполагает, что члены класса рассматриваются последовательно – сначала один, затем другой.

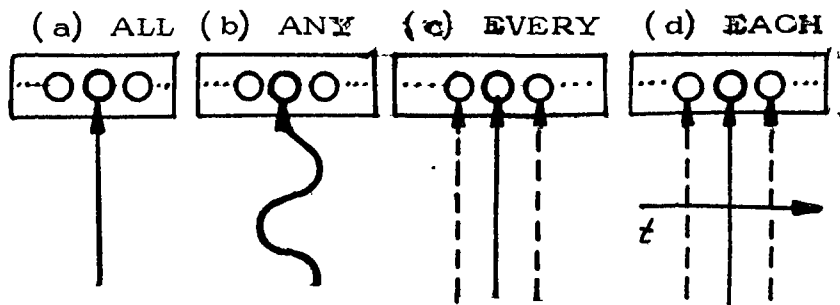

Рис. 1

Этот анализ в лучшем случае предварительный и ориентировочный, но предполагаемые образные противопоставления объясняют большое число явлений, которые не поддаются объяснению другими способами [...] .

ПРИРОДА ГРАММАТИКИ

Грамматика языка характеризуется как "структурированный реестр конвенциональных лингвистических единиц". Под "единицей" я подразумеваю тщательно отработанную структуру (т.е. когнитивный шаблон). Единица может быть очень сложной по своей внутренней организации, однако она проста в том плане, что представляет собой уже собранный блок, который говорящие могут использовать автоматически, не вникая в детали его строения. Примерами таких единиц может служить лексическая единица, установленный концепт, способность выразить конкретный звук либо последовательность звуков. Единицы, составляющие грамматику, представляют понимание говорящим лингвистических конвенций. Я не ограничиваю термин "конвенциональный" структурами, которые произвольны, немотивированы или непредсказуемы: лингвистические структуры образуют градацию по отношению к степени их мотивации, а подкласс структур, которые полностью мотивированы, или те, которые целиком произвольны, не наделяется связностью или специальным статусом. Говорящий оперирует всем спектром структур как интегрированной системой. Наконец, этот реестр конвенциональных единиц структурирован так, что некоторые единицы функционируют как компоненты (подшаблоны (subroutines)).

Устанавливаются только три основных типа единиц: семантические, фонологические и символические. Символические единицы биполярны и состоят из символического отношения между семантической единицей (ее семантического полюса) и фонологической единицей (ее фонологического полюса). Я утверждаю, что лексика, морфология и синтаксис образуют континуум символических структур,

лишь произвольно разделяемых на отдельные компоненты грамматики. Символические единицы ни в коей мере не являются однородным классом – они весьма различны по ряду параметров (например, конкретности, сложности, “укорененности” (*entrenchment*), продуктивности, регулярности) – но эти типы переходят один в другой, а не разбиваются естественным образом на дискретные, взаимопересекающиеся блоки. Грамматика (т.е. морфология и синтаксис) полностью укомплектована символическими единицами. Внутренне присущая грамматической структуре символическость составляет суть нашего главного утверждения, смысл и плодотворность которого будут рассмотрены в этой статье.

Рассмотрение грамматики как символической по своей природе (а не как отдельного уровня или автономной части лингвистической структуры) дает нам возможность принять налагаемое на содержание требование, имеющее большую ограничительную силу, которое гласит, что никакие другие единицы не допускаются в грамматику, кроме (i) явно манифестирующихся семантических, фонологических и символических единиц; (ii) схем для структур в (i); и (iii) “категоризирующих отношений”, в которые вовлекаются структуры в (i) и (ii). Например, явно встречается фонологическая последовательность [tip], и поэтому она разрешена (i). Слоговый канон [CVC] схематичен для [tip] и множества других фонологических единиц (т.е. он полностью сочетается с их специфическими признаками, но характеризуется меньшей степенью конкретности и потому (ii) допускает его включение в грамматику. В свою очередь, (iii) допускает категоризирующее отношение между фонологической схемой, [CVC] и конкретной последовательностью [tip], которая “воплощает” или “развивает” эту схему. Я указываю на это отношение следующим образом: [CVC] $\longrightarrow$ [tip], где стрелка символизирует то, что одна структура является схематичной для другой, а в квадратных скобках заключена структура со статусом единицы. Следовательно, категоризирующее отношение [CVC] $\longrightarrow$ [tip] представляет собой сложную еди-

ницу, содержащую более простые единицы $[CVC]$ и $[tip]$ в качестве подструктур. Схема $[CVC]$ определяет фонологическую категорию, а $[[CVC] \rightarrow [tip]]$ характеризует $[tip]$ как пример этой категории.

Предназначение требования, налагаемого на содержание, состоит в том, чтобы исключить многие типы произвольных описательных средств, которые обычно используются в других теориях. Например, это требование исключает использование "пустышек" (dummies), не имеющих ни семантического, ни фонологического содержания и выполняющих только задачи формального синтаксиса. Запрещается также обращение к произвольной диакритике или бессодержательным характеристикам (о чем речь пойдет ниже). Требование, налагаемое на содержание, также препятствует деривации эксплицитной структуры из гипотетической имплицитной структуры совершенно иного характера (например, деривации пассивной структуры из активной). В определенном смысле требование, налагаемое на содержание, является гораздо более сильным ограничителем, чем условия, принципы и ограничения, которые продолжают иметь хождение (во многих случаях непродолжительное) в литературе по теоретическим вопросам. Если это требование обосновано, оно окажет неоценимую помощь в обеспечении естественности лингвистических описаний.

Описывая грамматику языка как "реестр" конвенциональных единиц, я называю мою концепцию грамматики непорождающей и неконструирующей. Точнее говоря, я отвергаю представление о том, что грамматику можно рассматривать как алгоритмизированное средство, служащее целям порождения (или выдачи) "исключительно грамматических предложений языка", по крайней мере, если считается, что описание предложения включает полную семантическую репрезентацию. Причиной отказа от подобного рассмотрения является то, что весь набор языковых выражений не является ни хорошо определенным, ни алгоритмически вычисляемым, если не накладывать произвольных ограничений на область лингвистического описания и не делать необоснованных и, по-видимому, ошибочных предположений о природе языка.

Рассмотрение грамматики как порождающего и конструирующего средства требует (i) предположения о том, что правильность грамматической формы имеет абсолютный характер, не допускающий каких-либо степеней правильности; (ii) исключения контекстуального значения из семантического описания; (iii) исключения метафоры и образного языка из описания грамматики; (iv) предположения, что семантическая структура полностью композиционна; и (v) утверждения, что между семантикой и прагматикой (или между лингвистическими и "экстралингвистическими" знаниями) может быть сделано мотивированное разграничение. Эти положения, как правило, принимаются, но не потому, что факты употребления языка требуют их принятия. Скорее, они принимаются главным образом по методологическим соображениям, поскольку нет другого способа сделать так, чтобы язык казался самодостаточной и описываемой алгоритмически системой. Отмечу только, что тот факт, что теоретику удобно постулировать самодостаточность формальной системы, еще не представляет собой весомого аргумента в пользу фактической правильности этого решения. Я за когнитивно и лингвистически реалистическую концепцию языка, а не за концепцию, с помощью которой достигается формальная правильность при серьезном искажении и обеднении содержания.

Следовательно, грамматика языка рассматривается мной не как порождающий или алгоритмизированный механизм, она не строит выражений и не выдает их на выходе — это просто реестр символических ресурсов. Пользователь языка "эксплуатирует" эти ресурсы, а это уже деятельность, относящаяся к разрешению проблем и связанная с категоризирующими суждениями. Результаты этих действий опираются на весь массив знаний говорящего и его когнитивную способность и не являются, таким образом, алгоритмически вычисляемыми с помощью любой ограниченной, самодостаточной системы.

Базовая схема показана на рисунке 2 (а).

символические единицы

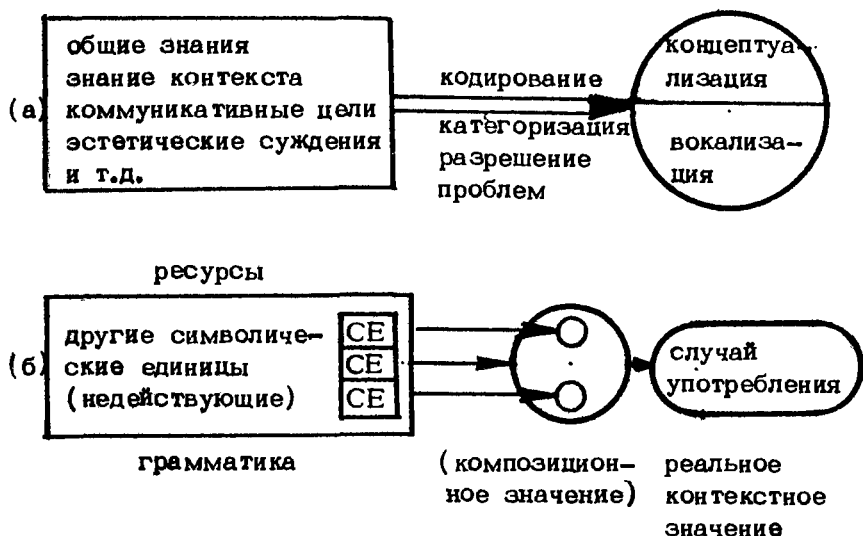

Рис. 2

Пользователь языка привносит различные типы знаний и способностей в решение задачи построения и понимания лингвистического выражения; сюда входят конвенциональные символические единицы, представляемые грамматикой, общие знания, знание ближайшего контекста, коммуникативные цели, эстетические суждения и так далее. Как говорящий, так и адресат сталкиваются с проблемой декодирования: если они обладают необходимыми ресурсами, они должны успешно "вписать" событие употребления (usage event) в общий контекст. Семантический полюс этого события употребления идентифицируется как детальная концептуализация, которая составляет полное контекстное значение выражения, т.е. то, как оно действительно понимается в контексте. Фонологический полюс события употребления представляет собой актуальную вокализацию, применяемую для символизации этой концепции во всех ее фонологических деталях. Грубо говоря, говорящий исходит из кон-

цептуализации и должен прийти к надлежащей вокализации, в то время как адресат движется в противоположном направлении (кодирование vs. декодирование). Однако оба они, используя разнообразные средства, находящиеся в их распоряжении, имеют дело, очевидно, с полным, биполярным событием употребления, с тем, чтобы его осуществление достигло уровня значимого символического воплощения. В этот процесс с необходимостью включается категоризация и в более общем плане – разрешение проблем. Один из аспектов этой операции кодирования, а именно, отношение между грамматикой и событием употребления изображен на рис. 2 (б). Обдумывая событие употребления и оценивая его относительно лингвистической конвенции, говорящему или адресату нужно выбрать определенный набор символических единиц (СЕ) и активизировать их с этой целью. Я считаю, что когнитивная реальность лингвистических единиц (и их активизация в использовании языка) самоочевидна и непротиворечива. Более того, поскольку событие употребления определяется как само высказывание и то, как оно реально понимается в контексте, оно, очевидно, реально – по определению событие употребления действительно имеет место. Единственный аспект рисунка 2 (б), чей статус неясен – это промежуточная структура, представляющая “композиционное значение” выражения, т.е. такое значение, которое могло бы в принципе быть получено с помощью алгоритмизированного вычисления, основанного исключительно на конвенциональных значениях используемых символических единиц.

Весьма вероятно, что для пользователя языка вычисление этого композиционного значения – один из шагов процесса кодирования, приводящих к цельному событию употребления. И в настоящее время мы не можем знать, делает ли он это постоянно, либо только в определенных случаях.

Однако ясно то, что событие употребления в общем не эквивалентно композиционному значению. Оно, по-суть, всегда более конкретно, чем то, что может быть строго предсказано из установленных символических единиц и, та-

ким образом, представляет дальнейшее развитие или "специализацию" композиционного значения, либо же оно вступает в некоторое противоречие с композиционным значением и таким образом является его расширением. Это отклонение события употребления от гипотетического композиционного значения либо путем его развития, либо путем расширения отражает вклад экстра-грамматических средств, применяемых в процессе кодирования пользователем языка.

Примером расширения служит новая метафора, ср. использование выражения "cabbage harvester" (cabbage — капуста, harvester — жнец, уборочный комбайн) для обозначения гильотины. В композиционном плане семантическое значение этого выражения приблизительно таково — "нечто, что собирает урожай капусты"; его действительное контекстуально-семантическое значение — гильотина. Сравнение этих двух значений, служащее выявлению их сходств и различий (и таким образом значимое для восприятия данного выражения как метафоры) представляет собой тип категоризирующего суждения; а символические единицы, активизированные в процессе кодирования, включают лексические единицы cabbage (капуста) и harvester (жнец, уборочный комбайн), а также схематическую символическую единицу, представляющую релевантную модель построения сложных образований.

В качестве конкретизирующего примера предположим, что я показываю вам новое приспособление, используемое для заточки мела и называю его chalk sharpener (точило для мела). Композиционное значение этого выражения таково — "нечто, что затачивает мел", но в контексте — в котором вы действительно видите это устройство — ваше понимание этого нового выражения гораздо более детализированно: вы видите, что это механическое устройство, а не человек, вы отмечаете его приблизительный размер; вы можете наблюдать, как оно работает, и так далее. Все это составляет контекстуальное семантическое значение выражения, семантический плюс события употребления. Обычно бывает так, что композиционное значение существенно "недоконкретизирует" это контекстуальное значение,

т.е. первое является схематичным для второго в том, что касается категоризирующего отношения между ними.

Предположим теперь, что то устройство, которое я вам показал, начинает широко использоваться и что термин 'chalk sharpener' (точило для мела), устанавливается как конвенциональный термин для объекта такого типа. Конвенциональное семантическое значение этой лексической единицы включает в таком случае многие из тех конкретизаций, которые представляли некомпозиционные аспекты ее контекстуального значения при первом упоминании этого выражения. (Именно это произошло с 'pencil sharpener' – русск. точилка для карандашей, что означает как раз "нечто, что затачивает карандаши", но затем понимается, как указывающее на конкретный вид механического устройства). То, что подразумевается этим типом развития, должно быть, очевидно: поскольку некомпозиционные аспекты значения выражения являются частью контекстуального значения (т.е. того, как оно реально понимается) при его первом употреблении и затем становятся частью его композиционного значения, когда оно утверждается в качестве единицы грамматики, то не имеет смысла (и, по-сути ошибочно) произвольно исключать эти аспекты его значения из области лингвистической семантики. Более того, конвенционализация – это вопрос степени; нет конкретного водораздела, на котором некомпозиционные конкретизации внезапно претерпевают изменения в статусе от экстралингвистического до конвенционального и, следовательно, лингвистического. Это постепенный процесс, и начинается он с момента первого употребления выражения.

Названное несоответствие между композиционным и контекстуальным значением не относится только лишь к коротким выражениям того типа, которые конвенционализируются как лексические единицы; оно характерно и для новых предложений. Гораздо больший вклад в понимание предложения вносится контекстом и общими знаниями (и гораздо меньший – композиционными принципами), чем обычно признается. Например, (3) (а) обычно интерпретируется, как на рис. 3 (а), но при наличии соответствующего кон-

текста оно может легко употребляться и пониматься в любой из ситуаций в 3 (б-г) и многих, многих других.

(3) (a) The ball is under the table.

Мяч под столом.

(б) He is barely keeping his head above the water.

Он едва держит голову над водой.

Хотя (3) (б) активизирует представление о том, кто, плавая, борется, чтобы удержаться на плаву, это представление не может быть выведено с помощью обычных композиционных принципов из конвенциональных значений составляющих это предложение лексических единиц. В другом контексте это предложение могло бы быть понято совершенно иначе. (Представьте гонку над океаном на вертолете, участники которой должны от старта и до финиша перевозить тяжелый макет головы, висящий на веревке, спущенной с вертопета; причем участник дисквалифицируется, если макет головы, который он перевозит, хоть раз спустится ниже поверхности воды). Композиционное значение выражения ничего не заимствует из контекста, поэтому в подобных случаях оно должно быть достаточно абстрактным (схематичным), чтобы сочетаться со всеми теми бесчисленными контекстными интерпретациями, которые данное выражение могло бы получить — а это и в самом деле очень абстрактно. Таким образом, если семантика ограничивается тем, что алгоритмически вычисляется из лингвистических единиц, появляющиеся в результате семантические репрезентации будут настолько ограничены и обеднены относительно того, как реально понимаются выражения, что мы едва ли признаем их в качестве точных приближений к их значениям. Область семантического анализа, конечно, может быть так определена, но тогда нужно спросить — обладает ли содержание, границы которого очерчены таким образом, связностью и заслуживает ли оно серьезного интереса.

Короче говоря, утверждение о том, что лингвистическая семантика полностью композиционна, основывается на

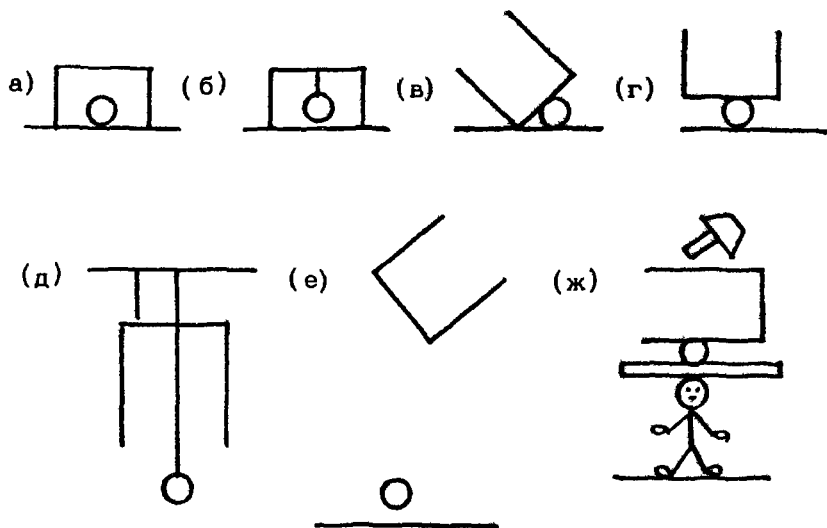

Рис. 3

на эмпирическом наблюдении, а является скорее априорным определением, данным теоретиками, которые хотят рассматривать язык как самодостаточную формальную систему. Семантическая структура превращается в композиционную просто путем отнесения некомпозиционных аспектов значения к прагматике или экстралингвистическим знаниям. Точка зрения когнитивной грамматики состоит в том, что это разграничение произвольно и что семантика только частично композиционна. Модели построения действительно существуют и они описываются на семантическом полюсе конвенциональных единиц, представляющих грамматические конструкции. Однако значение сложного выражения (какой бы ни была степень его конвенционализации) считается дистинктивной сущностью, которая в целом не всегда может быть алгоритмически выведена из значения его частей. Его композиционное значение (в полемических целях сделаем допущение о логичности этого понятия) не всегда должно вычисляться отдельно, но если оно вычисляется отдельно, то это вычисление — только один шаг к достижению действительного понимания этого выражения.

"Автономия" грамматики (и, в частности, синтаксиса) является основным догматом современной теоретической ортодоксии (ср. Newmeyer 1983). Грамматика (или, по крайней мере, синтаксис) составляет, как считается, независимый уровень или измерение лингвистической структуры, который может описываться как автономный "компонент" в рамках лингвистической системы. В остальной части этой статьи мы рассматриваем вопрос об автономии и доказываем жизнеспособность радикальной альтернативы: грамматике внутренне присущ символизм и, следовательно, она не отличается ни от лексики, ни от семантики.

Несмотря на то, что данный вопрос имеет первостепенную важность, удивительно мало внимания уделялось точному прояснению того, что значит автономия для грамматического уровня, а также конкретизации того, какую форму могла бы принять предполагаемая альтернатива. В целях нашего анализа я буду считать, что тезис об автономности включает следующие моменты: (i) Грамматическое описание требует постулирования деревообразных структур, представляющих независимый аспект лингвистической организации; общепринятыми являются фразовые деревья, изображенные на рис.4, которые конкретизируют состав, линейный порядок и категориальное членство (последнее посредством обозначений узлов (node labels)). (ii) Лексические единицы вводятся в такие деревья, которые сами по себе не имеют ни семантического, ни фонологического содержания. Правила семантической и фонологической интерпретации относятся к содержанию, приносимому этими введенными лексическими единицами и учитывают также структуру грамматического дерева, но сами по себе эти деревья не являются ни семантическими, ни фонологическими объектами. (iii) Отсутствие у грамматических категорий восприимчивости к семантической и фонологической характеристике требует установления отдельного уровня этих категорий; членство лексической единицы в классе конкретизируется синтаксическими признаками (или каким-либо подобным им диакритическим средством),

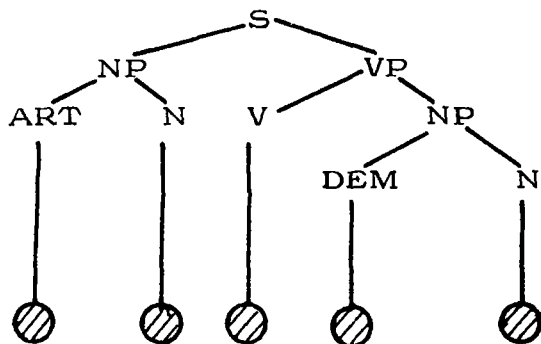

Рис. 4

Предлагаемая альтернатива не использует фразовые деревья и отказывается от пунктов (i – iii). Она утверждает, что грамматика (как морфология, так и синтаксис) может быть описана с использованием только символических элементов, каждый из которых имеет как семантический, так и фонологический полюс. Символические единицы, характеризующие грамматическую структуру, образуют континуум с лексикой; хотя они отличаются от типичных лексических единиц по таким факторам, как сложность, абстрактность, это отличие незначительно, ведь и сами лексические единицы существенно различаются по этим параметрам. И поэтому я начну представление альтернативной точки зрения кратким рассмотрением лексических единиц.

Лексические единицы значительно отличаются по своей внутренней сложности. Нас здесь особенно интересует "символическая сложность", т.е. расчленяется ли та или иная единица на более мелкие символические единицы. Те единицы, которые не расчленяются, и, следовательно, являются минимальными с символической точки зрения, известны под названием "морфемы". Примеры показаны на рис. 5 (а), иллюстрирующем те обозначения, которые я буду использовать здесь для символических единиц: семантический полюс показан сверху, его содержание указано заглавными буквами (таким образом, SHARP (острый) используется для сокращенного обозначения значения 'острый'; фонологичес-

кий полюс показан внизу (орфографические репрезентации достаточны для настоящих целей); линия между двумя полюсами обозначает их символическое отношение; а прямоугольник, включающий их, указывает на то, что символическая структура в целом имеет статус конвенциональной единицы.

Большая часть лексических единиц имеет сложное морфологическое строение, что иллюстрируется на примере слова *sharpen* на рис. 5 (б). Я буду называть морфемы, составляющие слово (ср. *SHARP/sharp* и *EN/-en*, составляющими структурами.

Верхняя часть структуры в 5 (б), то, что я называю "составными (composite) структурами", представляет семантическое и фонологическое значение (value) выражения как интегрированного целого. Я не допускаю полной композиционности ни для семантического, ни для фонологического полюса, поэтому составная структура не должна строго выводиться из ее составляющих. Однако мы не занимаемся здесь вопросом о возможных расхождениях между композиционным значением и реальной составной структурой. В той степени, в которой какое-либо выражение действительно приближается к полной композиционности, составная структура отражает "интеграцию" на каждом полюсе содержания двух составляющих ее структур. Так, например, в *SHARP-EN*, составная семантическая структура, отражает интеграцию [SHARP] и [EN], в то время как составная фонологическая структура [sharp-en] образуется из интеграции [sharp] и [-en]. Рисунок 5 (б) отображает сложное выражение в разобранном ("exploded") виде, где составная структура показана отдельно от ее составляющих. "Компактная" репрезентация в 5 (в) для удобства принимается в качестве сокращенного варианта записи: она подразумевает как составляющую, так и составную структуру, хотя последняя и не выделена особо. Конечно, не существует системного ограничения на символическую сложность лексических единиц, поскольку составная структура может функционировать как один компонент большего выражения на более высоком уровне организации.

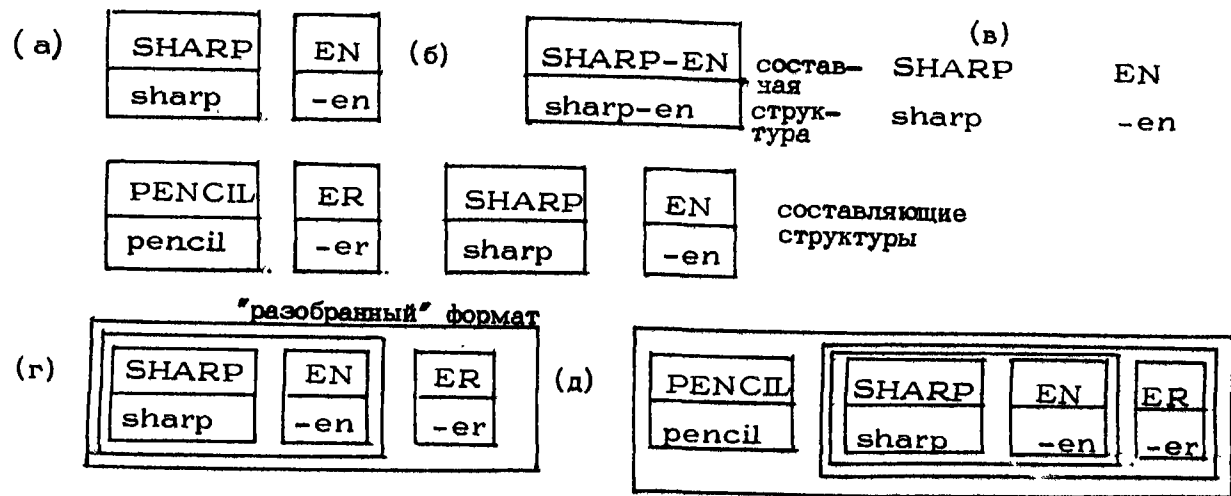

Рис. 5

Рисунок 5 (г) показывает интеграцию sharpen (точить) и -er (суффикс агентивности) для образования производного существительного sharpener (точило). Sharpener, в свою очередь, сочетается с pencil и образует соединение pencil sharpener (точилка для карандашей), как показано на рис. 5 (д). Все эти выражения являются конвенциональными единицами английского языка.

Лексические единицы значительно отличаются также и по параметру схематичности, т.е. они характеризуются различными уровнями точности и детализации. Это особенно очевидно на семантическом полюсе. Например, семантический полюс у лексической единицы bird (птица) схематичен для аналогичного полюса лексической единицы sparrow (воробей); категоризирующая единица $[[BIRD] \longrightarrow [SPARROW]]$ указывает, что специфические признаки $[SPARROW]$ достигают большей точности (или более высокой степени разрешения) чем специфические признаки $[BIRD]$, и представляет конвенциональное суждение о том, что sparrows (воробьи) наполняют категорию bird (птица) [...]

Как видим, лексические единицы проявляют различную степень схематичности либо на семантическом, либо на фонологическом полюсе. Некоторые символические единицы схематичны на обоих полюсах. Я полагаю, что схематичность на одном или двух полюсах — это как раз то, что характеризует те символические единицы, которые отвечают за грамматическую структуру. Хотя здесь и отмечается некоторая степень градации, основные грамматические единицы очень схематичны на обоих полюсах. Более того, чем больше схематичность символической единицы, тем больше вероятности в том, что она попадет в традиционно-признанную сферу грамматики (в противовес лексике).

В одной из своих последних работ я пытаюсь показать, что на основе субъективистской точки зрения на значение, которая надлежащим образом учитывает конвенциональную образность, возможна дескриптивно адекватная и во многом новая семантическая характеристика основных грамматических классов (например, существительного, глагола,

прилагательного); предлагаются довольно точные определения, базирующиеся на мотивированных предположениях относительно когнитивной обработки. В этой работе я буду считать, что такие описания, в принципе, возможны и покажу к чему приводит такое предположение.

Если существительные, глаголы и другие базовые категории поддаются понятийному определению, мы можем установить схематическую символическую единицу, служащую для характеристики каждого класса: мы получим схему существительного, выражающую общность всех существительных, схему глаголов, определяющую класс глаголов и так далее. Такие схемы максимально схематичны на каждом полюсе. Фонологически мы не можем сказать о существительных или глаголах больше, чем то, что у них есть "некоторое фонологическое содержание". Я утверждаю, что на семантическом полюсе каждое существительное обозначает "вещь", в то время как каждый глагол обозначает "процесс"; заметим, что "вещь" и "процесс" — это технические термины, смысл которых очень абстрактен (например, класс "вещей" не ограничивается физическими объектами). Членство какой-либо лексической единицы в одной из этих категорий представлено в грамматике не с помощью диакритической или синтаксической характеристики, а скорее с помощью категоризирующей единицы.

Следовательно, мы видим, что в этот каркас укладываются основные грамматические категории и члены этих категорий, находящиеся в пределах ограничительных границ требования, налагаемого на содержание: используются только конкретные символические единицы (например, карандаш), схематические символические единицы (например, схема существительного) и категоризирующие отношения между первыми и вторыми. А как же грамматические правила и конструкции? Они не выделяются когнитивной грамматикой, а вместо этого считаются альтернативными способами рассмотрения одних и тех же единиц, главным образом, символических единиц, как схематических, так и сложных (в том смысле, что их компонентами служат более мелкие символические единицы). Я называю эти единицы "схемами построения".

На рис. 6 (а) представлена схема построения отглагольных номинализаций на -er (talker русск. оратор, swimmer - пловец, complainer - жалующийся, painter - художник, mixer - миксер, opener - консервный нож и т.д.). Несмотря на сокращенные обозначения, эта структура является сложной символической единицей, в которой интегрируются составляющие ее структуры, образуя составную структуру как на семантическом, так и фонологическом полюсе. Одной такой составляющей структурой является схема глагола; семантически она обозначает иеконкретизированный процесс, в то время как фонологически ее содержание максимально схематично. Другой составляющей структурой является морфема -er, которая фонологически конкретна, но семантически абстрактна (она обозначает "вещь", определяемую только по той роли, которую она играет в семантическом процессе).

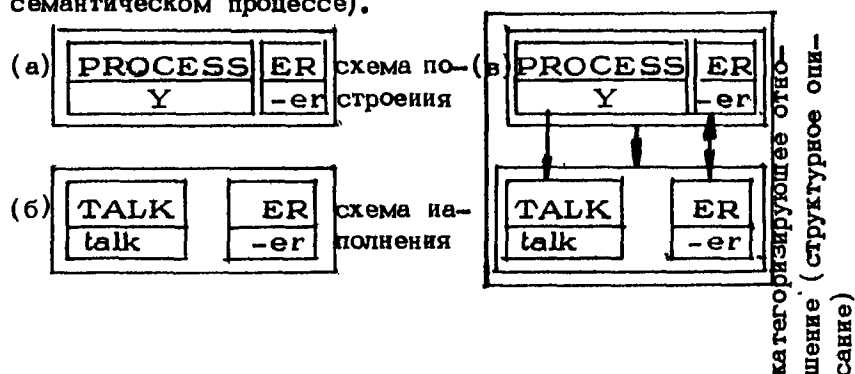

Рис. 6

Короче говоря, схема построения (рис. 6а) абсолютно параллельна по образованию и внутренней структуре любому из ее воплощений, например, такому, как talker (оратор), показанному на рис. 6 (в). Единственное отличие состоит в том, что схематичная глагольная основа в первом случае заменена в 6 (б) более сложным содержанием -

'talk' (говорить). Следовательно, схема построения может считаться символически сложным выражением, хотя и слишком абстрактным семантически, чтобы быть очень полезным в коммуникативных целях и слишком абстрактным фоновологически, чтобы его можно было реально произносить или воспринимать. Вместо этого, схема построения выполняет классифицирующую функцию, определяя и характеризуя морфологическую конструкцию, представляя общность ее разнообразных воплощений. Отношение между схемой и конкретным воплощающим ее выражением присуще категоризирующей единице такого типа, который был изображен на рис. 6 (в). Глобальная категоризация, показанная стрелкой '1', сводится к отношению схематичности: *talker* (оратор) развивает абстрактные специфические признаки схемы, но полностью сочетается с ними и таким образом воплощает морфологическую модель, которую описывает схема. Эта глобальная категоризация может быть превращена в локальные категоризации между конкретными структурами. Стрелка '2' указывает, что 'talk' (говорить) категоризируется как глагол и развивает схематическую основу в рамках схемы построения. Морфема *-er* встречается как в схеме, так и в конкретных выражениях, которые воплощают ее; двунаправленная стрелка '3' обозначает это отношение тождества.

Символически сложное выражение, конечно, может инкорпорироваться в качестве составляющей еще более сложного выражения. Производный глагол типа *sharpen* (точить) может поэтому функционировать в качестве основы только что описанной морфологической модели, приводящей к *sharpener* (точило); это существительное, в свою очередь, сочетается с *pencil* (карандаш) в сочетании *pencil sharpener* (точилка для карандашей), чья организация показана в нижней части рис. 7 (а). Таким же образом, одна схема построения может быть инкорпорирована в качестве составляющей более крупной схемы, описывающей выражения большей сложности. Сверху на рис. 7 (а) изображена схема построения более высокого порядка, на базе которой осуществляется построение выражений типа

pencil sharpener (точилка для карандашей), mountain climber (скалолаз), lawn mower (газонокосилка), taxi driver (таксист), flamethrower (огнемёт) и т.д. Одна из составляющих этой схемы представляет собой схему построения ионизаций на -er, как показано на рис. 6 (а); другая ее составляющая – схема существительного. Фонологически, схема более высокого порядка детализирует положение двух основ, которым надлежит образовать сложное слово [X Y -er]. Семантически, эта схема конкретизирует, что "вещь", обозначенная [X], приравнивается к объекту процесса, обозначенного [Y]. Отношение глобальной категоризации между этой схемой построения и конкретным сложным словом, типа "pencil sharpener" (точилка для карандашей) отражает локальные категоризирующие отношения на различных уровнях структуры. На рис. 7 (а), стрелка '1' указывает, что все отношение в целом детализировано (т.е. pencil sharpener "точилка для карандашей" соответствует конкретизациям схемы, но характеризуется более детально. На более низком иерархическом уровне, стрелки '2' и '3' показывают, что pencil (карандаш) и sharpener (точило) могут, соответственно, считаться воплощениями схемы существительного и той морфологической модели, которая была рассмотрена ранее. Наконец, на самом низком иерархическом уровне отношение, показанное стрелкой '3', переходит в локальные категоризации '4' (в соответствии с которой sharpen (точить) классифицируется как глагол) и '5' (как отношение тождества).

Я утверждаю, что грамматика есть не что иное, как модели (patterns) последовательного сочетания символических выражений для образования все более и более сложных выражений. Эти модели принимают форму схем построения, одни из которых включают другие в качестве составляющих. В этой модели схемы построения имеют многочисленные функции. Во-первых, они выявляют обобщения, представляя те общие закономерности, которые наблюдаются при образовании конкретных, воплощающих эти схемы выражений. Во-вторых, они дают основу отношениям категоризации, показывающим статус конкретных выражений по от-

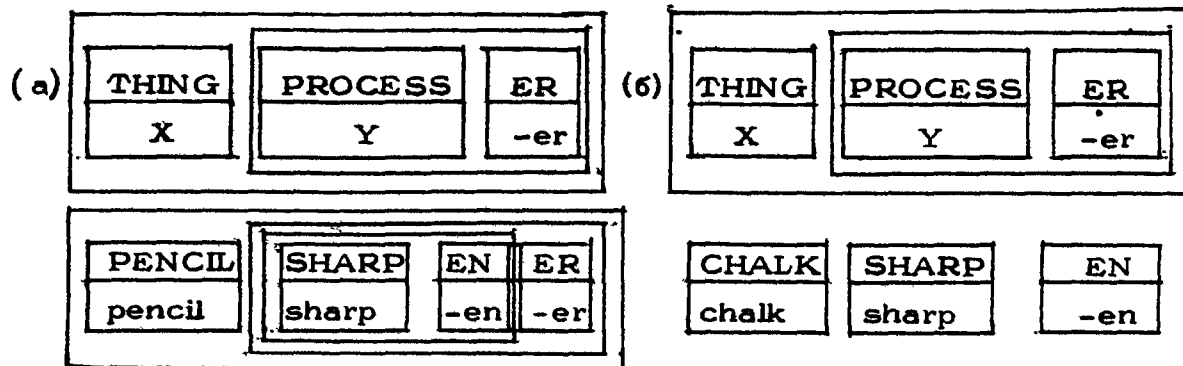

FIG. 7

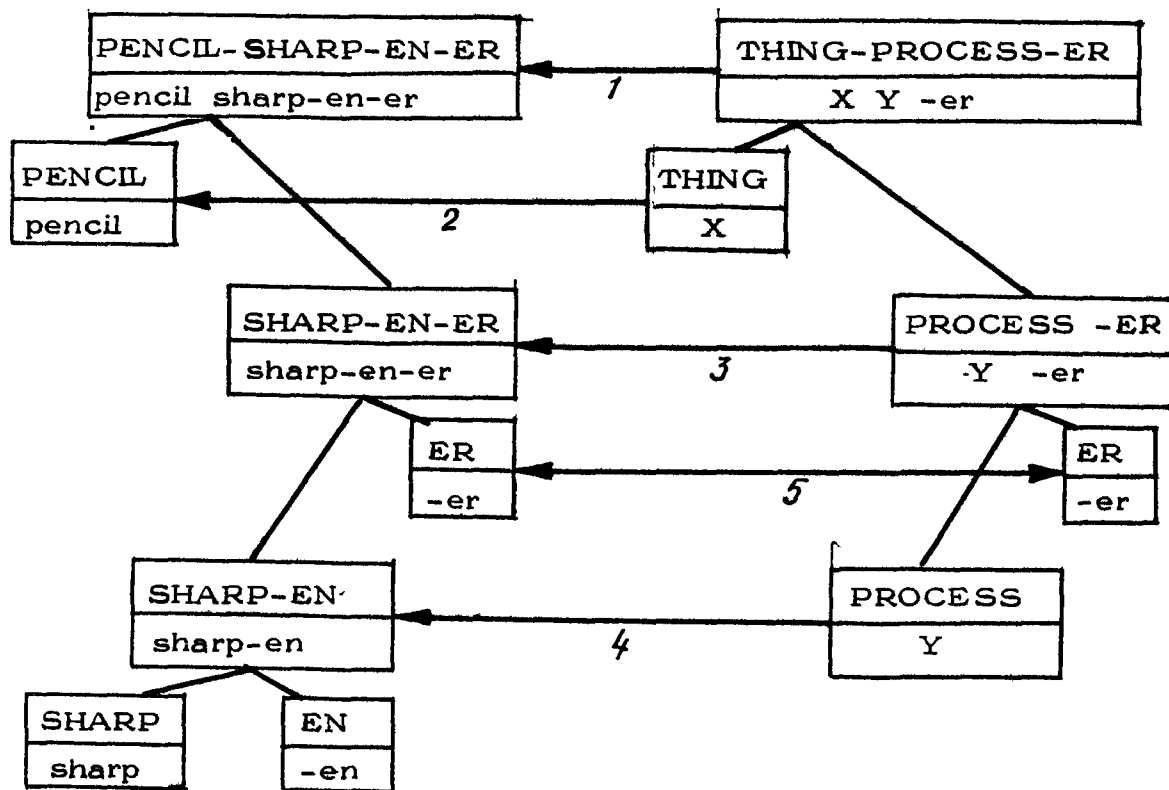

Рис. 8

иошению к структурам и моделям большей обобщенности. "Структурное описание" выражения – это просто набор отиошений категоризации, в которых оно участвует, наконец, схема построения служит шаблоном для вычисления новых выражений, которые могут воплощать эту схему ...

В завершении этого раздела давайте еще раз рассмотрим фразовые деревья по типу изображенного на рис. 4, конкретизирующего линейное упорядочение, составляющие компоненты и их типы. Сейчас, возможно, уже ясно, что эти три типа информации задаются также и предложенной альтернативой, которая выдвигает только символические единицы для описания грамматической структуры. Линейное упорядочение (по-сути, временное упорядочение) представляет собой просто один из параметров фонологической структуры. Символическая структура – простая или сложная, конкретная или схематичная – определяет временную последовательность своих фонологических компонентов как неотъемлемую часть характеристики своего фонологического полюса. Таким образом, *sharp* (острый), *sharpen* (затачивать), *sharpen* (точило) и *pencil sharpener* (точилка для карандашей) конкретизируют как часть своей внутренней фонологической структуры временное упорядочение своих сегментов, слогов, морфем и основ; то же самое можно сказать о схемах, которые воплощают эти выражения, за исключением того, что данные фонологические элементы частично схематичны (например, схема построения на рис. 6 (а) конкретизирует в своей составной структуре, что *-er* следует за глагольной основой, охарактеризованной схемой). Ситаксис и семантика не очень отличаются в этом отношении. Отличие между ними сводится к тому, включает ли построение на фонологическом полюсе разные слова или части одного слова (сложные слова являются, таким образом, пограничным случаем).

Состав лингвистической структуры не является ее отдельным параметром, это отражение того порядка, согласно которому последовательно сочетаются символические структуры при образовании сложного выражения. Мы можем говорить о "траектории композиции" (*compositio-*

nal path) ведущей от отдельных морфем через составные структуры промежуточного уровня к составной структуре самого высокого уровня, репрезентирующей значение всего сложного выражения. "Траектория композиции" не может быть эксплицитно показана на компактных диаграммах, где составные структуры не могут быть отражены по отдельности. Но эта траектория сразу же становится явной, когда эти структуры переводятся в эквивалентный "разобранный" формат, как показано на рис. 8. Слева на рис. 8 показана "траектория композиции pencil sharpener (точилка для карандашей); составные структуры промежуточного уровня показывают, что sharpen (точить) и sharpener (точило) – это компоненты (в добавление к отдельным морфемам и всему выражению). Справа на рис. 8 – "траектория композиции" схемы построения, которую воплощает pencil sharpener.

Это не фразовые деревья, а просто упорядоченные наборы символических единиц. Они отличаются от фразовых деревьев в нескольких отношениях. Во-первых, каждый узел представляет собой символическую структуру, включающую как семантическое, так и фонологическое содержание (и ничего другого). Во-вторых, эти структуры не являются линейно упорядоченными: каждый узел внутренне конкретизирует временное упорядочение на фонологическом полюсе, но по отношению друг к другу узлы не являются упорядоченными. Третье отличие состоит в отсутствии названий узлов, конкретизирующих грамматический класс составляющих компонентов. Принадлежность к классу конкретизируется не обозначениями или характерными чертами, а скорее категоризирующими отношениями, каждое из которых отражает то, что структура воплощает конкретную схему. В случае грамматической структуры категоризирующие схемы символически и имеют реальное семантическое и фонологическое содержание (хотя часто это содержание абстрактно, вплоть до очень бессмысленного). Вместе взятые, эти категоризирующие суждения составляют структурное описание выражения.

ДИСТРИБУЦИЯ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

Когнитивная грамматика предлагает для описания грамматической структуры только символические единицы. Рассмотрев общий характер такого анализа, мы сейчас обратимся к конкретным явлениям, которые, как часто считают, подтверждают автономию грамматики.

Один класс аргументов касается невозможности предсказания членства "дистрибутивных классов", т.е. классов, определяемых на базе морфологического или синтаксического поведения. Например, невозможно предсказать ни на семантическом, ни на фонологическом основании, какие конкретно английские глаголы образуют прошедшее время путем замены *i* на *a*; эта модель действует только для небольшого числа глагольных основ (*sit, swim, begin, ring, sing* и т.д.), которые не связаны между собой семантически, и не выделяются каким-либо образом фонологически. Также невозможно, очевидно, предсказать точное количество членов класса глаголов, встречающихся в конструкции с так называемым "сдвигом датива" ("dative shift"). Хотя в этой конструкции предпочтительны переходные одисложные глаголы (например, *give, send, mail, skip, buy*, но не *transfer, communicate, purchase* или *propose*), определенные пары глаголов, которые похожи на них и по семантическим и по фонологическим характеристикам, ведут себя противоположным образом:

- (4) (a) I told the same thing to Bill.
Я сказал то же самое Биллу.
- (a') I told Bill the same thing.
Я сказал Биллу то же самое.
- (b) I said the same thing to Bill.
Я сказал то же самое Биллу.
- (b') *I said Bill the same thing.
- (5) (a) I peeled a banana for Bill.
Я очистил банан Биллу.
I peeled Bill a banana.
Я очистил Биллу банан.

(в') I cored an apple for Bill.

Я вырезал сердцевину из яблока для Билла.

(в') *I cored Bill an apple.

По этому вопросу можно сказать намного больше, но давайте предположим худшее, а именно, что класс таких глаголов со сдвигом датива непредсказуем и должен быть каким-то образом перечислен в грамматике.

Давая такую информацию, лингвисты обычно прибегают к некоторому типу диакритических или грамматических черт. Например, 'sit (сидеть) может быть помечено диакритическим знаком, указывающим его членство в этом классе глаголов (например, "Класс 2Б"), в котором используется аббревиатура 'i' к 'a' для обозначения прошедшего времени. Либо, в дополнение к семантическим и фонологическим чертам, глаголу give (давать) могла бы быть приписана такая характеристика синтаксического правила, как [+Сдвиг Датива], которая конкретизирует его способность подвергаться правилу сдвига датива. Независимо от того, какое используется средство, маркировка не имеет ни семантического, ни фонологического содержания, поскольку класс, который она выявляет, не является абсолютно предсказуемым ни на основе формы, ни на основе значения). Автономия грамматики, как общепризнанно, является неизбежным следствием: поскольку грамматическое поведение вынуждает нас выделять характерный набор специфически грамматических классов и дескриптивных конструкций, то грамматика должна составлять независимую область лингвистики.

Этот аргумент ошибочен, поскольку он смешивает два вопроса, которые, в принципе, могут разграничиваться: (i) какие существуют типы структур; и (ii) предсказуемость их поведения. Я называю это "ошибкой смешения предсказуемости/типа" (type/predictability fallacy). Логически целесообразно считать, что для описания грамматической структуры требуются только символические единицы, даже если мы не всегда можем предсказать в абсолютных терминах какие именно символические единицы встречаются в данной конструкции. Чтобы дать такую информацию,

нужен какой-то вид маркировки или перечисления, но нет оснований заранее полагать, что характеристика, лишенная содержания, или диакритический знак представляют собой надлежащее средство для достижения этих целей. Действительно, когнитивная вероятность того, что говорящие обла- дают каким-либо прямым аналогом пустых маркеров типа [Класс 2Б] или [+Сдвиг Датива] при ментальной репре- зентации лингвистической структуры, не является значи- тельной.

Можно дать требуемую дистрибутивную информацию, не прибегая ни к чему другому, кроме символических еди- ниц. Сказать, что конкретный глагол, например, 'sit' (си- деть) маркирует свое прошедшее время путем аблута 'i' к 'a' — это все равно, что сказать, что sat (сидел) яв- ляется конвенциональной единицей английского языка. Ана- логично, сказать, что конкретный глагол, например, give (давать) встречается в конструкции со сдвигом датива. Зна- чит сказать, что схема, описывающая эту конструкцию, мо- жет воплощаться подсхемой, имеющей 'give' как ее вербаль- ный элемент. Я высказывался в других работах (Langa- sker 1982) в пользу модели лингвистической структуры, основанной на употреблении, в которой как схемы, так и их воплощения включаются в грамматику языка при условии, что они имеют статус конвенциональных единиц. Схемы улавливают обобщения путем репрезентации моделей, каб- людаемых во всех выражениях. Единицы, воплощающие схе- мы построения (как конкретные выражения, так и подсхе- мы на различных уровнях абстракции) описывают реальное воплощение этих обобщений путем конкретизации диапазона их конвенционального применения [...]

Относительно распределения предсказуемости и связан- ного с этим вопроса экономии в лингвистических описаниях нужно сказать гораздо больше, но здесь не место разви- вать эту тему. Мы хотим только заметить, что неспособ- ность предсказать точное количество членов дистрибутив- ных классов в принципе не устанавливает автономии грам- матики в том виде, в каком это определялось ранее. Я очертил стратегию для обеспечения необходимой информа- ции, используя только символические единицы.

ПРОИЗВОЛЬНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ

Автономия грамматики признается всеми на том основании, что языки налагают произвольные требования на форму допустимых выражений. Значимость такого аргумента зависит от того, как понимаются ключевые понятия и, в частности, понятия "форма" и "автономия". Ранее я уже дал свое определение того, что значит для грамматики быть автономной; предлагаемая мною альтернатива базируется исключительно на символических единицах для описания грамматической структуры. С этой точки зрения единственно разумное определение "формы" отождествляет ее с фонологическим полюсом лингвистических единиц и выражений — особенно отвергаются фразовые деревья, подобные изображенным на рис. 4, которые, как полагают, представляют независимый уровень или параметр "грамматической формы". Линейное упорядочение — просто один параметр фонологического пространства и мы видели, что символическая альтернатива учитывает как составляющие компоненты, так и категориальную принадлежность.

Очевидно, языки действительно предъявляют некоторые требования к форме выражений. Большинство этих требований необходимо заучить, поскольку их нельзя точно предсказать исходя из какого-либо независимого фактора; в этом смысле они произвольны (или, по крайней мере, конвенциональны). Само по себе это не отделяет грамматику от лексики — в конце концов, лексическая единица, типа [ЯБЛОКО/яблоко] может рассматриваться как налагающая произвольное формальное требование, чтобы понятие [ЯБЛОКО] символизировалось как [яблоко]. Это не показывает также, что грамматическая структура включает что-либо помимо символических единиц. Рассмотрим формальное ограничение, согласно которому одно- и двусложное прилагательное в английском языке должно предшествовать, а не следовать за существительным, которое оно определяет, например, в *ripe apple* (спелое яблоко). Хотя это формальное отношение в основном произвольно, мы, конечно, должны признать его символический вклад: тот факт,

что *ripe* непосредственно предшествует *apple* на временной оси – это именно то, что символизирует, что свойство, обозначенное [*RIPE*], предписывается объекту, обозначаемому посредством [*APPLE*]. Регулярность этого отношения выявляется с помощью схемы построения, имеющей схематическое прилагательное и схематическое имя существительное для своих составляющих структур; фонологический полюс схемы конкретизирует темпоральное единство и упорядочение прилагательного и существительного, в то время как его семантический полюс уточняет факт и характер их семантической интеграции. Следовательно, формальное ограничение – это просто фонологический полюс символической единицы определенного типа.

В обсуждениях вопроса автономии обычно упоминается существование “пустых” маркеров, которые, по-видимому, служат чисто грамматическим целям, не внося какого-либо семантического вклада. Иллюстративными примерами служат вспомогательные глаголы *be* (быть) и *do* (делать); некоторые подчинительные союзы; предлоги, которые управляются конкретным глаголом или конструкцией (особенно в тех случаях, когда не допускается альтернативный выбор); маркеры, обусловленные согласованием; а также маркеры падежа, рода и подобных категорий. Мы не можем рассматривать все эти вопросы детально (предшествующие работы по когнитивной грамматике описывают семантическое значение многочисленных “грамматических” элементов). Я утверждаю, тем не менее, что они не являются по своему характеру существенными для символической концепции грамматической структуры.

Мы, конечно, можем допустить существование маркеров, которые не оказывают значительного влияния на информативное содержание выражений, в которых они появляются. Однако, значение гораздо шире информативного содержания (или условий истинности); важной является также образность, т.е. как это содержание структурируется или строится в коммуникативных целях. При условии лингвистически адекватного взгляда на значение, оно включает конвенциональную образность, грамматические маркеры ти-

па отмеченных выше. Природа и степень семантического вклада всех этих факторов различны – в крайнем случае он может быть нулевым, но эта крайность должна считаться конечной точкой непрерывной шкалы, а не критерием или прототипом для грамматических элементов.

Давайте начнем с рассмотрения определенных факторов, которые, как иногда считается, указывают, что грамматический маркер лишен значения. Эти факторы включают: (i) избыточность; (ii) обязательность; (iii) выполнение конкретной грамматической функции; (iv) языковую специфику. Если исходить из достоверности различных концептов и допущений развиваемой нами теории, то можно считать, что ни один из этих факторов не указывает на отсутствие значения у грамматического элемента.

Избыточный элемент может быть незначимым с точки зрения теории информации, но лингвистическую семантику это не очень интересует. Для естественного языка важно, чтобы мы проводили четкое различие между двумя понятиями, которые, конечно, не эквивалентны, а именно: "значимость" ("meaningfulness") и "непересекающееся значение" (non-overlapping meaning). Всегда существует некоторое семантическое пересечение между составляющими структурами, которые объединяются, образуя сложное выражение; это происходит именно потому, что составляющие структуры пересекаются таким образом, что они могут интегрироваться, образуя связанную составную концептуализацию. Например, в *ripe apple* (спелое яблоко) *ripe* указывает на спелость фрукта и его готовность к употреблению, и, следовательно, схематически вводит понятие фрукта, в то время как *apple* (яблоко) включает в себя и развивает это схематическое понятие, характеризуя определенный вид фрукта. Поскольку все сложные выражения включают семантическую избыточность такого рода, значение одной составляющей не может определяться лишь выведением значения соседней составляющей этого сложного выражения из значения всего выражения в целом – значения составляющих структур не находятся друг к другу в отношениях дополнительности и потому каждое должно описываться по-своему.

Как пограничный случай, одна составляющая структура по праву считается значимой, даже если ее семантическое содержание полностью входит в семантическое содержание другой составляющей структуры и, следовательно, она ничего не вносит в составную семантическую структуру, которую не могла бы составить только это вторая составляющая. Это можно проиллюстрировать на примере сложных слов, типа *oak tree* (дуб) или *puppy dog* (щенок). Содержание *tree* (дерево) полностью входит в содержание *oak* (дуб), а содержание *dog* (собака) вошло в *puppy* (щенок), но никто не станет утверждать, что *tree* и *dog* — это семантически пустые морфемы. Семантическое пересечение внутренне присуще грамматическим конструкциям, причем случаи типа *oak tree* и *puppy dog* выделяются только тем, что зона пересечения у них превышает содержание одной составляющей. Выражения типа *oak tree* иллюстрируют то, что я называю "принципом схематической прозрачности" ("schematic transparency principle"): при сочетании схема и ее воплощение сливаются, образуя составную концептуализацию эквивалентную элементу воплощающему данную схему. Поскольку [ДЕРЕВО] схематично для [ДУБ], причем содержание первого полностью включено в содержание последнего, то сложное понятие, полученное путем слияния их специфических признаков, идентично воплощению [ДУБ]. Но хотя *tree* (дерево) ничего не добавляет к информативному содержанию *oak tree* (дуб), оно все-таки вносит вклад в семантику с точки зрения общности: эксплицитное упоминание вышестоящей категории *tree* (дерево) делает членство *oaks* (дубы) в этой категории несколько более значимым в выражении *oak tree*, чем в простом выражении *oak*.

Учитывая все это, рассмотрим вспомогательный глагол *do* и противопоставление двух предложений, как в (6):

(6) (a) *My cousin smokes.*

Моя кузина курит.

(6) My cousin does smoke.

Моя кузина действительно курит.

Я считаю, что вспомогательный глагол *do* обозначает в высшей степени схематический процесс, т.е. это настоящий глагол, который соответствует специфическим признакам глагольной схемы и по-сути он тождественен схеме, находящейся у семантического полюса. Следовательно, семантически *do* схематично для *smoke* (курить) так же, как и для любого другого глагола. Как следует из принципа схематической прозрачности, составная структура '*do smoke*' эквивалентна структуре *smoke*, т.е. *do* ничего не добавляет в информативное содержание сложного выражения. Можно понять, почему многие лингвисты посчитали, что *do* семантически пустое, но я пытался показать, что это не так. Избыточность *do* в сочетании с конкретным глаголом не препятствует его анализу как символической единицы с реальным (хотя и схематическим) семантическим содержанием. Более того, это содержание помогает объяснить семантический контраст пар предложений, типа (6). Как в случаях *oak* и *oak tree*, контраст между *smoke* и *do smoke* относится к образности, а не к информативному содержанию и заключается в дополнительной значимости, придаваемой более высокой категории (категории [ПРОЦЕСС] в данном случае) вследствие эксплицитной символизации. В сочетании с эмфатическим ударением наличие *do + V* (а не просто один глагол) усиливает понятие процесса и таким образом придает оттенок эмфатичности или усиления глагольному выражению.

Следовательно, семантическая избыточность грамматического маркера (с точки зрения информативного содержания) согласуется в принципе с тем, что он является значимым и может описываться как символическая единица. Мы также можем обоснованно говорить о значимости облигаторного грамматического маркера, при выборе которого исключаются другие альтернативы и который служит конкретной грамматической функцией. И вновь удобным примером служит вспомогательный глагол '*do*'. Если (6) (а) при-

нимает форму отрицания, вопроса, включая альтернативный вопрос, или встречается в эллипсиса, то 'do' можно встретить вместе с глаголом smoke (курить) или вместо него:

- (7) (a) My cousin does not smoke.
Моя кузина не курит.
(б) Does my cousin smoke?
Курит ли моя кузина?
(в) My cousin smokes, doesn't she?
Моя кузина курит, не так ли?
(г) She does.
Да, она курит.

Обычно в этих конструкциях do приписывается конкретная грамматическая функция, он несет обозначения времени и согласования с подлежащим. Однако, нет ничего того, что внутренне мешало бы значимому элементу быть конвенционально принятым и играть конкретную грамматическую роль, и элементы с высоким схематическим содержанием, по-видимому, идеально подходили бы для этого. (По тем же соображениям подчинительные союзы типа since (так как), because (потому что), while (в то время как), although (хотя) и т.д. показывают начало придаточного предложения и таким образом имеют конкретную грамматическую функцию и они, конечно, значимы. Схематичность do по отношению к классу глаголов объясняет его семантическую "прозрачность" в конструкциях (7) (а-б), а также его способность функционировать в качестве вербального заместителя в (в, г).

Однако, что может быть сказано относительно того, что do облигаторно в этих конструкциях и полностью предсказуемо (т.е. никакой другой глагол не может занять его место)? Только исходя из строгого информационно-теоретического определения значения можно считать, что do не обладает значением; подобный вывод нельзя сделать, признавая, что значение связано с концептуализацией и конвенциональной образностью и считая, что семантическое пересечение является свойством, внутренне присущим грамматическим конструкциям. Схема конструкции указывает на

конвенциональность (правильную грамматическую оформленность) выражений, соответствующих ее специфическим признакам. Если в такой схеме упоминается конкретный символический элемент (например, *do*) в качестве одной из ее составляющих структур, то те выражения, которые ею санкционируются, ограничиваются выражениями, содержащими данный элемент. Отсутствие санкционированных альтернатив не мешает этому элементу иметь семантический полюс с реальным содержанием, каким бы схематическим ни было это содержание или каким бы избыточным оно не было по отношению к другой составляющей. Один аспект конвенциональной образности заключается в траектории композиции, посредством которой постепенно собирается составная структура сложного выражения и даже избыточные элементы вносят свой вклад в этом отношении.

Наконец, рассмотрим тот факт, что грамматические маркеры варьируются от языка к языку – это касается не только их формы, но также их инвентаря и распределения. Данный факт не подтверждает того, что эти маркеры лишены значения и символичности. Он просто показывает в области грамматических конструкций то, что уже очевидно из изучения лексики: язык создает различный инвентарь символических ресурсов для своих пользователей, которые таким образом выражают сравнимые объекты различными способами. Для передачи приблизительно одного и того же содержания, говорящие на двух языках могут быть вынуждены из-за имеющихся в их распоряжении схем конструкций использовать выражения, отличающиеся тем, насколько точно они определяют какой-либо параметр (например, определенность, число, род), степень избыточности, присущей им или характер композиционной траектории посредством которой они приходят к составной семантической структуре. Короче, семантическая структура не универсальна, когда образность учитывается надлежащим образом, поэтому неотжественность грамматических маркеров в различных языках сама по себе не указывает на их семантическую нерелевантность.

Следовательно, я делаю вывод, что рассмотренные выше факторы не устанавливают отсутствие значения у грамматических маркеров, как обычно считают. На основании этого мы можем рассматривать конкретные явления, которые почти неизменно приводятся в пользу тезиса об автономности грамматики: согласование, число, падеж, род [...]

СУЖДЕНИЯ О ГРАММАТИЧНОСТИ

С самых первых дней порождающей грамматики лингвисты поддерживали тезис об автономности грамматики, утверждая, что говорящие в состоянии судить о правильной грамматической оформленности предложений вне контекста и без учета их значения. (Ср. Chomsky 1957). Таким образом (8) (a) считается грамматичным, несмотря на его семантическую аномалию, а (8) (б) – неграмматичным.

(8) (a) Colorless green ideas sleep furiously.

Бесцветные зеленые идеи спят яростно.

(б) *Green furiously ideas colorless sleep.

Зеленые яростно идеи бесцветные спят.

Позвольте мне констатировать, что рассмотрение так называемых "суждений грамматичности" в генеративной традиции было почти-что скандальным из-за концептуальной путаницы при обсуждении этого вопроса, отсутствии какого-либо прочного эмпирического обоснования для оценки грамматичности и зависимости широких теоретических утверждений от выводов, которые, по-сути, очень хрупки и изменчивы. У нас нет никаких оснований полагать, что суждения о грамматичности подобны прототипу, предложенному теорией автоматов, в которой механическая процедура выдает дискретное решение о "грамматичности" или "неграмматичности", просто сканируя цепочку лишенных содержания словарных символов. Суждения относительно грамматичности выражений естественного языка, которые в литературе по порождающей грамматике обозначаются

специальными символами, часто не являются дискретными (следовательно, наличие/отсутствие специального символа не является достаточным для представления соответствующих суждений. При вынесении подобных суждений так или иначе почти неизменно принимаются во внимание семантические соображения (независимо от того, признаются ли они в качестве таковых). Эти суждения также довольно чувствительны к контекстным факторам. Нам следует серьезно рассмотреть предложение Динсмора (Dinsmore, 1979) о том, что предложения почти всегда строятся относительно какого-либо контекста и что "нормальный" контекст имплицитно активизируется для вроде бы неконтекстных суждений.

Все же, есть существенное отличие между (8) (а) и (б), с которым нужно считаться. Что же показывают такие примеры на самом деле? Во-первых, они показывают, что языки накладывают ограничения на форму возможных выражений, ограничения, которые относятся некоторым образом к грамматическим классам (например, N, V, ADJ, ADV, NP). Во-вторых, они показывают, что говорящие способны приписывать слова к таким категориям даже тогда, когда их значения, интегрированные в соответствии с обычными композиционными моделями, не дают связной семантической структуры. Однако, эти наблюдения не устанавливают автономии грамматики (в том смысле, как это определялось ранее). Мы уже видели, что символическая альтернатива включает как формальные ограничения, так и членство в грамматических классах. По крайней мере в принципе описание, использующее только символические единицы, достаточно, чтобы прояснить это явление.

Мы допускаем, что базовые грамматические категории поддаются понятийной характеристике и что они представлены в грамматике крайне схематичными символическими единицами. Конструкции, т.е. конвенциональные модели для сборки символически сложных выражений, аналогичным образом описываются с помощью таких выражений. Схема построения (a constructional schema) включает символические единицы в качестве составляющих структур и уточняет то, как они интегрируются, образуя составную струк-

туру (рис. 6–8): на семантическом полюсе, она представляет модель семантического построения, на фонологическом уровне, она определяет (помимо всего прочего) темпоральную последовательность составляющих элементов. Суждения в (8) отражают, таким образом, наличие в английском языке схем построения, которые допускают соединение определенных [ADJ ADJ N V ADV] последовательностей и отсутствие схем, которые санкционировали бы построение подобных последовательностей с темпоральным упорядочением [ADJ ADV N ADJ V]. Первое требует по крайней мере трех схем построения: одну допускающую именные группы типа [ADJ ADJ N]; вторую – для модифицирующего отношения [V ADV]; и третью – допускающую интеграцию результирующих составных структур на более высоком уровне организации. (Эта третья схема по сути допускает интеграцию субъекта и предиката безотносительно к их внутреннему составу. В полемических целях давайте предположим – что вполне реально – существование подсхемы, которая принимает в качестве своих составляющих субъект, представленный именной группой, и предикат, в частности, с [ADJ ADJ N] и [V ADV] как их соответствующие внутренние структуры.)

Необходимые схемы построения (в компактном виде) изображены ниже на рис. 9 (а). Схема, описывающая соответствующий тип именных выражений, в качестве составляющих структур имеет две схемы прилагательного и одну схему существительного. Вторая схема построения принимает в качестве составляющих структур глагольную и адвербиальную схему. Третья схема построения инкорпорирует первые две в качестве своих составляющих и конкретизирует их интеграцию на более высоком уровне построения. Вся сложная структура (содержащая только символические единицы) допускает вычисление открытого класса воплощающих ее выражений, которые обладают связностью как на семантическом так и на фонологическом уровне (например, *Tired young boys sleep soundly* – Усталые маленькие мальчики крепко спят). Конечно, ничто не гарантирует того, что говорящий (либо лингвист) всегда будет исполь-

зовать символические средства, имеющиеся в его распоряжении, и его конечной целью будет семантическая связность. Вполне возможно выбрать лексические единицы, которые соответствуют локальным специфическим признакам общей схемы на индивидуальной основе, шаг за шагом, но которые не могут быть успешно интегрированы так, как того требует схема.

Рис. 9

Предположим затем, что лексические единицы — бесцветные, зеленые, идеи, спят и яростно — выбираются для воплощения схем самого нижнего уровня, как показано на рис. 9 (а). Что происходит, когда эти единицы интегрируются уровень за уровнем в соответствии со специфическими признаками схем построения? Результат изображен на рис. 9 (б) (в расширенном варианте). На фонологическом полюсе это вычисление как раз и дает последовательность 'Бесцветные зеленые идеи спят яростно', отсюда следует вывод,

что 8 (а) грамматически правильно. Однако на семантическом полюсе результат совсем другой. Когда пытаются интегрировать составляющие семантические структуры так, как это определяется схемами построения, связанная составная структура не возникает ни на одном уровне организации (это происходит вследствие того, что для сущностей, тождественных по этим схемам, лексические единицы выбрали свойства, которые не согласуются с определениями). Таким образом, анализ, использующий только символические единицы, способен объяснить тот факт, что (8) (а) семантически аномально, несмотря на свою формальную правильность. Он также объясняет различие между (8) (а) и (8) (б) — в добавление к своей семантической аномальности, (8) (б) нарушает формальные спецификации схем построения по отношению к темпоральной последовательности и не могло бы быть вычислено из каких-либо других имеющихся в наличии схем.

Следовательно, вопрос заключается не в существовании "грамматических моделей" и "формальных ограничений" и не в возможности признания выражения соответствующим последним, несмотря на его семантическую несвязность. Скорее, вопрос заключается в том, требует ли репрезентация этих моделей и ограничений чего-либо помимо символических единиц. Сторонники тезиса автономности грамматики дают на это утвердительный ответ: кроме значения и фонологической формы, они выдвигают отдельный параметр "грамматической формы", основными компонентами которого являются линейное упорядочение, состав и обозначение членства у грамматических категорий (ср. рис. 4). Символическая альтернатива не отрицает значимости этих факторов, но интерпретирует их совершенно по-иному. Линейное упорядочение — это просто темпоральное упорядочение, одно из изменений фонологического пространства. Состав — понятие очень общее, относящееся только к тому порядку, в котором более простые структуры постепенно собираются в более крупные структуры; грамматический состав, таким образом, сводится к тому способу соединения, которому следуют при сборке сложных символических структур. Грам-

матические классы определяются с помощью схематических символических единиц, а принадлежность к классу специфицируется категоризирующими отношениями между схемами и их наполнениями. Таким образом, признаются различные элементы грамматической формы, но они не составляют отдельной, самостоятельной или связанной структурной области — вместо этого они рассматриваются как существенные аспекты символических структур и их взаимосвязей.

Языки способствуют символизации идей с помощью наблюдаемых последовательностей звуков. Мы должны, следовательно, признать каким-то образом реальность значений, звуков и символических связей между ними. Статус дистриктивной и автономной области "грамматики" оказывается при более серьезном рассмотрении не таким уже неизбежным, поскольку трудно представить себе область "грамматического содержания", аналогичную семантическому и фонологическому содержанию. Безусловно, существуют конвенциональные модели для соединения сложных символических выражений из более простых, и грамматика — это, конечно, термин для их обозначения. Но реальность "грамматики", определяемой таким образом, сама по себе не устанавливает характера элементов, конкретизирующих эти модели. В частности, она оставляет открытой возможность того, что эти элементы являются символическими по своей природе схематическими единицами, которые воплощают общепринятость правильно сформированных символических выражений и служат в качестве шаблонов для вычисления новых воплощений. Что может быть более естественным и простым? Если этот подход действителен, то он дает логичный и интегрированный взгляд на разные стороны лингвистической организации и допускает принятие требования, налагаемого на содержание, обладающего очень высокой степенью ограничительности. Я считаю любопытной аномалией в истории нашей дисциплины тот факт, что эту естественную концепцию нужно объяснять и защищать, в то время как тезису об автономности грамматики — при всей его неестественности и концептуальной путанице — демонстрируют свою преданность его многочисленные сторонники, не подвергаящие этот тезис сомнению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее время определенные способы рассмотрения лингвистической структуры стали настолько привычными и глубоко укоренившимися, что ученые склонны принимать их значимость как самоочевидную и сбрасывать со счета потенциальную жизнеспособность радикальных альтернатив. Моей основной целью было обрисовать совсем иную концепцию лингвистической организации и показать как все выглядит в этой перспективе. Я не думаю, что мне удалось показать ошибочность ныне доминирующих теорий или доказать неавтономность грамматической структуры. Тем не менее, я рассмотрел различные явления, которые, как считают, подтверждают тезис об автономности грамматики и очертил стратегии их рассмотрения в рамках той модели, которую я предложил. Я также сделал предположение о логичности, естественности и даже ограничительности этого описательного подхода. Безусловно, этот обзор напоминает саму грамматику в том, что он не является ни автономным, ни самодостаточным. Он схематичен в своем описании основных понятий, таких как образность, категоризация, конструкции, семантическое определение базовых грамматических классов и подход, основанный на употреблении. Для уточнений и подтверждений я отсылаю читателя к другим работам по когнитивной грамматике.

Я уделил основное внимание двум главным проблемам, лежащим в основе почти каждого вопроса лингвистической теории и определяющим то, как мы говорим и думаем о структуре языка: природе значения и предполагаемой автономии грамматической структуры. Я сделал попытку пока-

зять, что эти два вопроса неразрывно связаны. Только при наличии объединенной объективистской концепции значения и лингвистической семантики привычные аргументы в пользу автономии грамматики имеют какую-либо силу. При условии же более полной и лингвистически приемлемой концепции семантической структуры, концепции, которая рассматривает значение как субъективное явление и учитывает конвенциональную образность, эти аргументы теряют свою силу. Например, субъективистская семантика делает возможным понятийную характеристику базовых грамматических категорий; предполагаемая невозможность понятийных дефиниций — это главный оплот, поддерживающий здание автономной грамматики.

Другой важной темой, рассмотренной здесь, была непринемлемость использования абсолютной предсказуемости как критерия определения природы лингвистической структуры и организации. Я отметил распространенность ошибки относительно типа структур и предсказуемости их поведения, при совершении которой смешиваются два отдельных вопроса (i) какие существуют типы структур и (ii) предсказуемость их поведения. Модель, основанная на употреблении, и учитывающая всю сложность лингвистических знаний посредством включения в грамматику как семантических структур, так и воплощений языковых единиц на различных уровнях абстракции, объясняет дистрибуцию, не прибегая к структурам, нарушающим требование, налагаемое на содержание (согласно которому допускаются только семантические, фонологические и символические единицы). Общеизвестно, что автономия грамматики устанавливается, если нельзя показать, что все особенности грамматической структуры и ее поведения строго предсказуемы, исходя из независимых факторов; в соответствии с этим грамматика неавтономна, только если мы можем получить ее как автоматическое следствие чего-то другого. Строго редукционистская программа такого рода обречена на неудачу; грамматические модели языка в большей мере конвенциональны и их нужно специально заучивать (несмотря на степень их естественности и функциональную мотивацию). Однако, конвенциональность грамматической структуры сама по себе

не доказывает, что она автономна в смысле конституирования отдельного уровня или параметра лингвистической организации, требующего особых, чисто "грамматических" классов и элементов. Я показал, что конвенциональные модели, включая произвольные ограничения на форму выражения, могут в принципе для репрезентации грамматической структуры описываться только с помощью символических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Block N. ed. 1981. Imagery. - Cambridge, Mass.: Mit Press, Bradford.
2. Casad E.H. 1982. Cora Locationals and Structured Imagery. Doctoral dissertation: Univ. of California, San Diego.
3. Casad E.H. & Langacker R.W. 1985. 'Inside' and 'Outside' in Cora Grammar // International Journal of American Linguistics. 51. - P.247-281.
4. Chafe W. 1970. Meaning and the Structure of Language. - Chicago: Univ. of Chicago Press.- P.73-75.
5. Chomsky N. 1957. Syntactic Structure. - The Hague: Mouton.
6. Dinsmore J. 1979. Pragmatics, Formal Theory, and the Analysis of Presupposition. Doctoral dissertation: Univ. of California, San Diego.
7. Hawkins B.W. 1984. The Semantics of English Spatial Prepositions. Doctoral dissertation: Univ. of California, San Diego. - Trier, LAUT, 1985.
8. Hudson R.A. 1976. Arguments for a Non-Transformational Grammar. - Chicago: Univ. of Chicago Press.
9. Hudson R.A. 1984. Word Grammar. - Oxford: Blackwell.

10. Kosslyn S.M. 1980. Image and Mind. - Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
11. Langacker R.W. 1981. The Integration of Grammar and Grammatical Change // Indian Linguistics, 42. - P.82-135.
12. Langacker R.W. 1982. Space Grammar, Analysability, and the English Passive // Language 58. - P.22-80..
13. Langacker R.W. 1984. Active Zones // Proceedings of the Tenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. - P.172-188.
14. Langacker R.W. 1985. Observations and Speculations on Subjectivity: Haiman, 1985.- P.109-150.
15. Langacker R.W. In press. Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1. Theoretical Prerequisites. - Stanford, California: Stanford Univ. Press.
16. Lindner S.J. 1981. A Lexico-Semantic Analysis of English Verb-Particle Constructions with UP and OUT. Doctoral dissertation: Univ. of California, San Diego. - Trier: LAUT, 1983.
17. Lindner S.J. 1982. What Goes Up Doesn't Necessarily Come Down: The Ins Outs of Opposites // Papers from the Eighteenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. - P.305-323.
18. Morgan J.L. 1972. Verb Agreement as a Rule of English // Papers from the Eighteenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. - P.278-286.
19. Newmeyer F.J. 1983. Grammatical Theory: Its Limits and Its Possibilities. - Chicago: Univ. of Chicago Press.
20. Smith M.B. 1985. Event Chains, Grammatical Relations, and the Semantics of Case in

- German // Papers from the General Session at the Twenty. First Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. - P.388-407.
21. Tuggy D. 1981. The Transitivity-Related Morphology of Tetelcingo Nahuatl: An Exploration in Space Grammar. Doctoral dissertation: Univ. of California, San Diego.
22. Vandeloise C. 1984. Description of Space in French. Doctoral Dissertation: Univ. of California, San Diego. - Duisburg: LAUDT, 1985.
23. Vandeloise C. 1985. La préposition dans et la relation contenant/contenu. // Leuvense Bijdragen 74. - P.193-208.

ЛАНГАККЕР Р.У.
КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА

Научно-аналитический обзор

Сдано в набор 27/11-90 г. Подписано к печати 15/1-92 г.
Формат 60x84/16

Печ. л. 3,5 Уч.-изд. л. 2,8
Тираж 500 экз. Цена 30 коп. Заказ № 511

© ИНИОН РАН, Москва, ул. Красикова, д. 28/21
Напечатано в ПИК ВИНТИ, г. Люберцы, Октябрьский пр., 403
042(02)9